

XXV Экономический форум
8-10 сентября 2015
Крыница-Здруй, Польша

Гадкие лебеди

О гибридной войне, сложном мире и
чёрных лебедях над Донбассом

Александр Неклесса

ИНТЕЛРОС – Интеллектуальная Россия
www.intelros.ru

УДК 32(327) + 35(355)

ББК 63.3

Ф 40

Доклад, подготовленный для XXV Экономического форума (Крыница-Здруй, 8-10.09. 2015). Издается в рамках научно-исследовательской программы «Цивилизационные альтернативы мирового развития» Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме Российской Академии наук (при поддержке клуба «Красная площадь»).

Рабочие материалы Комиссии

Александр Неклесса. Гадкие лебеди. О гибридной войне, сложном мире и чёрных лебедях над Донбассом // ИНТЕЛРОС/СИНЛА №3. – Москва: ИНТЕЛРОС–Интеллектуальная Россия, 2015. – 24 с.

Alexander Neklessa. The Ugly Swans. Hybrid war, complex world and black swans over the Donbas // INTELROS/SYNLA №3. – Moscow: INTELROS–Intellectual Russia, 2015. – 24 pp.

Научное издание

Понятие «гибридная война» приобрело известность после присоединения Крыма к России и военных действий на Донбассе. Эти события не только изменили геополитическую карту Европы, но также существенно повлияли на актуальную концепцию войны, ее инструментарий, стратегии безопасности. Доклад был представлен на специальном мероприятии «Гибридная война. Облики и пространства вооруженных конфликтов в XXI веке» на XXV Экономическом форуме (Польша, Крыница-Здруй, 8-10 сентября 2015 г.).

The situation in Ukraine has altered not only the geopolitical map of Europe, but also approaches to warfare and its tools. Understanding hybrid warfare and its mechanisms should be a prerequisite of nowadays security of the EU. Where and what are the roots of a hybrid warfare? How to prepare for it? How it is waged? What tools should be used to win it? As the Ukrainian crisis has proved unconventional or hybrid measures are brought into the field for the implementation and support of certain politics and policies. Hybrid measures not always are identified in the legislation, especially if it refers to the collective security, therefore response can be complicated and protracted. Moreover, hybrid warfare can evolve with the development of technologies. Unconventional military forces, disinformation and propaganda, cyberattacks, energy flow disturbances, economic threats – all of them are used in the hybrid warfare. On the other hand annexation of Crimea, war in Ukraine, radicalization of political regime in Russia create conditions for geopolitical, economic and cultural transformation of structures in Eastern Europe and in some parts of Central Europe. One of the vectors of transformation is the creation of the geopolitical axis "Kiev-Minsk-Vilnius-Warsaw".

© Александр Неклесса, 2015

© ИНТЕЛРОС – Интеллектуальная Россия, 2015

ГАДКИЕ ЛЕБЕДИ

О гибридной войне, сложном мире и чёрных лебедях над Донбассом ¹

Мы знали, что мир уже не будет прежним,
кто-то смеялся, кто-то плакал, большинство молчали.

Дж. Роберт Оппенгеймер

Культура, пытаясь воплотить гармонию и взнуздать хаос, способствует просветлению мысли и

нормотворчеству, облегчающему экзистенцию. Война – ее антипод, это массовое, организованное политическим субъектом насилие, имеющее целью установление иного порядка, легальность смерти и разрушения. Она обнажает травматизм жизни, погружая в серьезность, риск и моральную ответственность. «Война уничтожает самое прекрасное создание Бога – она уничтожает человека. <...> Даже сегодня, после двух мировых войн, можно говорить о третьей войне, которая явлена нам в локальных конфликтах, массовых убийствах, уничтожении людей и других преступлениях

агрессоров и террористов» (папа Франциск).

Диверсанты, переодетые в гражданскую одежду, когда-то считались отбросами войны, преступившими ее суровые законы, провоцируя к тому же репрессии против населения; их предавали позорной казни. А зазубренный меч (фламберг) был в прошлые времена основанием для казни на поле боя. Война предьявляет дьявольские альтернативы, подавляет нравственные чувства и содержит злой парадокс – это опровержение цивилизации, пена отчаяния – отлив, приоткрывающий людское дно, питаемая человеческими жертвами антиистория... Но одновременно война и сопутствующие ей обстоятельства – могучий стимул технического прогресса. Что же такое модернизация оружия и развитие военных искусств: доблестный порок, хирургическая опция, легитимное зло или скрипящая ступень эволюции?

Война и мир обретают новый статус

Мы живем «в эпоху перемен», но, кажется, частое повторение тезиса стирает остроту содержания. Наш опыт – социокультурный, экономический, военно-политический – связан с индустриальной эпохой. И, несмотря на обилие в новейшей истории разного рода революций, – с иной скоростью социального времени. Где-то, начиная с последней трети XX века, время в человеческом космосе ускоряется, разночтения множатся, мир обретает новый статус, который сейчас проще определить как «сложный мир». Оpozнание, осознание изменившихся обстоятельств отстает от реальности – как результат, мы попадаем в ловушки интеллектуального и морального кризиса, неточных карт, дефицита имен для нахлынувшей новизны.

Понятие «гибридная война» в последнее время широко распространилось, стало актуальным, даже модным, хотя само явление, по крайней мере, в некоторых существенных аспектах не столь новое. В основе феномена – трансформация институтов индустриального общества при транзите к постиндустриальному, постсовременному статусу, определяющее

¹ Об авторе: Александр Неклесса – руководитель группы ИНТЕЛПРОС («Интеллектуальная Россия»), заведующий Лабораторией «Север – Юг» ИАФРАН. Автор в прошлом управляющий Службы стратегического анализа МАПО МИГ, эксперт Совета Обороны РФ. Сокращенная версия доклада была представлена на специальном мероприятии XXV Экономического форума (сентябрь 2015 г., Крыница-Здруй, Польша): «Гибридная война. Облики и пространства вооруженных конфликтов в XXI веке».

качество которого не тотальная инакость, а комплексный, сложный, гибридный характер. Новый мир предполагает смену типа рефлексии, основательное обновление современных институтов и прописей познания-действия. Кроме того, сложному обществу требуется сложный субъект, способный к быстрому анализу и комплексному действию.

Сложный мир предполагает смену типа рефлексии: сложному обществу требуется сложный субъект, способный к быстрому анализу и комплексному действию.

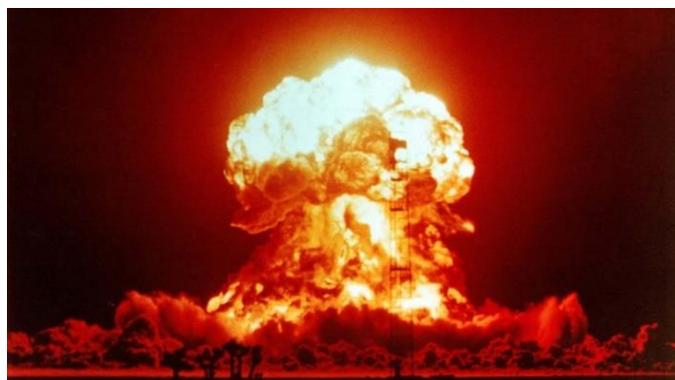
Сложный мир воплощает в своей практике не только высокие промышленные технологии, но и новые социоконструкты. В XX веке североатлантическая цивилизация, примеряясь к интегральному миростроительству, попыталась реализовать три исторических проекта, менявших сложившиеся формулы:

- (а) *мироустройства* – универсализация системы национальных государств;
- (б) *экономики* – формирование глобального свободного рынка;
- (в) *безопасности* – делигитимация войн в системе международных отношений.

Деконструкция континентальных и морских империй, происходившая на протяжении прошлого века, сопровождалась созиданием национальных государств (nation-building), суверенитет в которых переходил к политической нации, корни чего уходят к особенностям понимания в европейской культуре достоинства и прав человека. Отмена таможенных границ вела к образованию глобального рынка товаров, услуг, капиталов как трамплина интенсификации и самоорганизации экономической практики. Стремление утвердить режим международной безопасности подрывало легитимность войн, что должно было обеспечиваться коллективной волей наций и сопровождаться процессом разоружения или ограничения вооружений. Совокупность всех трех проектов представляла модель нового мира, а ее реализация мыслилась апофеозом и концом истории.

В XX веке цивилизация попыталась реализовать три исторических проекта, менявших формулы мироустройства, экономики, безопасности. Совокупность замысла представляла модель нового мира, а ее реализация мыслилась апофеозом и концом истории.

Замысел, однако, столкнулся с серьезными препонами: революция масс трансформировала суверенитет нации в управляемый ее частью (*партией*) авторитарный либо тоталитарный этатизм, деколонизация проявила серьезное различие ценностных ориентиров и

глубокую социальную неоднородность глобального сообщества, чреватую структурной декомпенсацией и дестабилизацией культур, переселением народов, конфликтом цивилизаций. Рифом же на пути к глобальной безопасности – но и могучим инновационным стимулом – несколько парадоксальным образом оказался ядерный фактор. Парадоксальным, поскольку, ядерная угроза стала как раз препоной на пути развязывания мировой «горячей» войны. Однако наличие ядерного оружия в распоряжении весьма разных субъектов мирового сообщества явилось в конце концов препятствием для завершения проекта.

Между тем ядерный stumble block инициировал поиск нестандартных решений в сфере безопасности, породив, в частности, феномен Холодной войны, а в числе иных инноваций создавал и совершенствовал косвенные, локальные, гибридные формы противоборства.²

Холодная война – транс-ядерная, т.е. ее сценарии учитывали возможность применения ракетно-ядерных вооружений, но строились таким образом, чтобы избежать смертельно опасной ситуации. Наличие оружия Судного

дня предопределило поиск оригинальных прямых и косвенных средств господства. Новый тип силового противостояния включал в себя смешанные формы агрессивных действий, реализовав на планете распределенное множество локальных («африканских») войн и ползучих конфликтов. Развивались технологии деструктивных операций и активных мероприятий при формальном неучастии либо ограниченном участии регулярных вооруженных сил с той или другой стороны, отлаживалось манипулирование общественным мнением и экспертными суждениями, множились формы коррупционных и диффамационных схем, способы проведения подрывных акций. Общественная жизнь фактически становится заложником боевых действий нового типа.

Холодная война – транс-ядерная, т.е. ее сценарии учитывали возможность применения ракетно-ядерных вооружений, но строились таким образом, чтобы избежать смертельно опасной ситуации. Наличие «оружия Судного дня» предопределило поиск инновационных прямых и косвенных средств господства.

Усложнение пространства военных операций

Гибридные, сетцентрические, преземптивные, энигматичные, нелинейные, ползучие, иррегулярные, превентивные, дистантные войны, мятеж-войны, прокси-войны, пиар-войны, дисперсные/диффузные паравойны с участием обезличенных войск, криптоармий, частных военных и разведывательных корпораций, эскадронов смерти, инсургентов, добровольцев, наемников, комбатантов неопределенного генезиса становятся сегодня горячей темой, но это не означает, что глубокая трансформация феномена не была своевременно замечена и осмыслена.

«В условиях начавшейся войны всех против всех следует ожидать возникновения многослойной всепланетарной системы, состоящей из национальных и религиозных, классовых и возрастных структур уничтожения людей. В наше время неприменима прежняя классификация войн: мировая, региональная, локальная и вооруженный конфликт. Война теперь другая, для уничтожения противника широко используются не прямые действия, информационное противоборство, участие наряду с регулярными также нерегулярных

² Генерала Иона Михай Пачепа, заместитель начальника внешней разведки Румынии, в своих воспоминаниях ссылается на характерное заявление руководителя Первого главного управления КГБ генерал-полковника Александра Сахаровского: «В сегодняшнем мире, когда ядерная бомба сделала использование военной силы устаревшим, терроризм должен стать нашим главным оружием» (Iona Mihai Pasera and Prof. Ronald J. Rychlak. Disinformation. – N.Y., 2013.).

вооруженных формирований», – писал более полувека назад профессор военных наук, последний начальник штаба Корниловской дивизии Евгений Месснер.³

Государства (генеральные субъекты) вели войны по определенным стандартам, предполагавшим автономию гражданской и военной деятельности, т.е. армии сражались с армиями. Война со временем стала индустриальным феноменом, сформировались военные (боевые) комплексы, оснащенные высокотехнологичным инструментарием, профессиональные кадры действовали в соответствии с уставами, развивалась логистика все более масштабных операций. Бюрократия занималась регламентацией этих предприятий, заключались международные соглашения, подписывались женеvские конвенции и т.п.

«Война теперь другая, для уничтожения противника широко используются неvрные действия, информационное vпротивоборство, участие наряду с регулярными также нерегулярных вооруженных формирований» Евгений Месснер

Конечно, множились и отклонения от эталона, происходила деградация «европейского эталона» войны прежде всего в ситуациях транзита, чаще – революций, генезиса новых субъектов военно-политического действия и международных взаимодействий. А в глобальном масштабе – при столкновении идеологий и культур либо резкой асимметрии сил.

Наиболее распространенные девиации – партизанские действия, диверсии, терроризм, скрытое участие иностранных войск и наемников, массированное проведение сопутствующих (небоевых) операций. Черты гибридности мы видим практически во всех локальных вооруженных конфликтах XX века: смешение субъектов действия, участие войск регулярных, иррегулярных, иностранных, явных и закамуфлированных, герильи, гражданских лиц, совмещение психологических, информационно-пропагандистских мероприятий, демонстрационных действий, провокаций, различных форм саботажа, сепаратизма, разрушения инфраструктур легитимной власти, подрыв воли к сопротивлению.

Вектор трансформации феномена после II мировой войны – история военных операций от Корейской войны до коллизий, связанных с экспансией Исламского государства (al-Dawla al-Islamiya fi al-Iraq wa al-Sham – группировка, деятельность которой в России запрещена. – Ред.). И сумма террористических / контртеррористических акций – симбиотическая война с многоликим террором.

Корейская война включала в себя помимо боевых действий между Севером и Югом прямое, но публично не декларируемое столкновение вооруженных сил СССР и коалиции во

³ «Война издревле удары оружием по телу врага подкрепляла ударами по его психике. <... > В таких полувойнах воюют партизанами, „добровольцами“, подпольщиками, террористами, диверсантами, массовыми вредителями, саботажниками, пропагандистами в стане врага и радиопропагандистами <...> В прежних войнах важным почиталось завоевание территории. Впредь важнейшим будет почитаться завоевание душ во враждующем государстве. В минувшую войну линия фронта, разделяющая врагов, была расплывчатой там, где партизаны в тылах той или иной стороны стирали её. В будущей войне воевать будут не на линии, а на всей поверхности территорий обоих противников, потому что позади окружного фронта возникнут фронты политический, социальный, экономический; воевать будут не на двумерной поверхности, как встарь, не в трёхмерном пространстве, как было с момента зарождения военной авиации, а в четырёхмерном, где психика воюющих народов является четвёртым измерением» (Евгений Месснер «Мятеж – имя третьей всемирной». – Буэнос-Айрес, 1960).

главе с США (а позже еще и неофициальное участие китайских «добровольческих» войск). Между бывшими союзниками по антигитлеровскому блоку велась ожесточенная воздушная война с сотнями сбитых самолетов и многочисленными жертвами кадровых военных как с советской, так и американской стороны. Однако участие в этой трехлетней кампании было признано в СССР лишь в 60-ые годы, а в США корейская война имела юридический статус... «полицейской операции».

Следующим полигоном был Вьетнам, также продемонстрировавший неформализованное участие регулярных вооруженных сил: массовое – северовьетнамских на территории Южного Вьетнама и ограниченное – советских «военных советников» на территории Северного. Новацией же явилось наступление Тет в январе-феврале 1968 года, психологический эффект которого показал, что войны в изменившихся условиях могут

выигрываться не только за счет прямого силового превосходства. Одновременный самоубийственный удар всеми имевшимися в распоряжении Вьетконга силами стал психологическим шоком не только для американских войск, но через посредство СМИ – для населения США. Несмотря на последующую эскалацию, регулярные войска Южного Вьетнама и его могучего союзника в конце концов уступили поле боя синтетической армии, состоящей из кадровых частей Севера

вкупе с иррегулярными подразделениями Юга.

С течением времени масштаб локальных конфликтов снижался, однако их общее число росло. Возрастало также типологическое разнообразие, множились тактические и стратегические новации. Складывался феномен полисубъектной войны с террором, использующей все более изощренные технологии, но по своей сути оставаясь актуальной разновидностью все той же мятеж-войны, или описанных еще Карлом Шмиттом иррегулярных войн: революционных, партизанских, диверсионных.⁴ В Африке распространялись американо-советские прокси-войны, на Ближнем Востоке новой формой противостояния стала интифада, а в наши дни горячие точки планеты – это Донбасс, Сирия, Ирак, Афганистан, Ливия, Йемен, Исламское государство (ДАИШ). Кажется, призрак вялотекущей перманентной войны все-таки возобладал над альтернативным апокалипсисом Исайи и мечтой Канта о «вечном мире»...

Исламское государство – новый феномен, значение которого стремительно возрастает. Это уже не разветвленная подпольная организация, наподобие Аль-Каиды, но распределенное множество де-факто легальных, самоуправляемых территорий, подчиненных единому центру, эклектичные союзы pro et contra, переселение миллионов, невидимые бригады рассредоточенные в различных местах планеты... Это также предчувствие «катастрофического терроризма» на европейском континенте – ситуации, чреватой культур-шоком: возможностью уничтожения объектов культурного наследия и цивилизационной памяти не только на Ближнем Востоке, как в Пальмире или Мосуле, а непосредственно в сердце Европы в русле стратегии сокрушения духа врага, т.е. деструкции национальных, культурных, религиозных символов, образа жизни современной цивилизации. При всем значении древних артефактов

---

⁴ «Практически отсюда вытекает вопрос, в каком количественном отношении оцениваются действия регулярной армии в открытой войне к иным методам борьбы, которые не являются откровенно военными. На этот вопрос Мао отвечает четким уравнением: революционная война на девять десятых скрытая нерегулярная война и на одну десятую открытая война регулярных войск. Немецкий генерал Хельмут Штедке на этом основании сформулировал определение партизана – это борец указанных девяти десятых ведения войны, который предоставляет лишь заключительную десятую часть борьбы регулярным вооруженным силам. Мао Цзэдун отнюдь не упускает из виду, что последняя десятая часть является решающей для окончания войны» (Карл Шмитт «Теория партизана», 1962).

Лувр или Сикстинская капелла и «европейский стиль жизни» значат для современного человека неизмеримо больше.

Исламское государство – распределенное множество де-факто легальных, самоуправляемых территорий, подчиненных единому центру, переселение миллионов, «невидимые бригады» рассредоточенные в различных точках планеты.. Это также предчувствие культур-шока – уничтожения культурного наследия не только на Ближнем Востоке, как в Пальмире или Мосуле.

Но агрессивные действия сегодня могут реализовываться не только в физическом измерении, а также в финансовых, информационных, коммуникационных сетях, вестись с помощью кибератак, радиоэлектронных манипуляций, экономических угроз, инновационных управленческих методов и психологических инструментов, применяемых в интеллектуальных, творческих, конфессиональных, антропологических средах. Рождается, таким образом, феномен расплывчатых, диффузных, ассиметричных войн, происходит радикальная модификация силовых акций и методов боевых действий, смещение культурных и смешение пространственных границ, взаимопроникновение субъектов и объектов операций. Множественность версий событий и способов их интерпретации нарушают внятность мировой картины: сложность воспринимается как хаос или не воспринимается вообще.

Постсовременная война – эффективная форма комплексной борьбы, обезличенной, с размытой субъектностью. Вооруженное противоборство на том или ином ТВД может оказаться демонстрационным действием, т.е. элементом более сложной политической

стратегии, преследующей иные, нежели публично заявленные цели. Сценарий воздействия подразумевает создание неопределенности, деморализации противника, внесения в его оценку ситуации стратегической растерянности с целью захвата инициативы и успешного продвижения в желаемом направлении.

В некоторых же предельных случаях видимая часть конфликта может являться сфальсифицированным маневром, а сама операция будет развиваться по скрытому плану с параллельной трансляцией симулякра как мирных, так и brutальных композиций, представляя в технологичной или неоархаичной упаковке лукавый спектакль эпохи постмодерна. Моделируя подобные экстремальные композиции, отчасти с акцентом на будущее, можно, образно говоря, победить противника, а он либо внезапно очнется, либо об этом узнает «только на следующий день».

Существует много дефиниций гибридной войны, разные авторитеты определяют ее по-своему. Заместитель генерального секретаря НАТО Александр Вершбоу дал следующее определение: «...“Гибридная война” сочетает в себе военную угрозу, скрытую интервенцию, тайную поставку оружия и систем вооружения, экономический шантаж, дипломатическое лицемерие и манипуляции в средствах массовой информации с прямой дезинформацией». Или вот характерное мнение Валерия Герасимова, начальника Генштаба России: «В XXI веке наметилась тенденция к стиранию границ между миром и войной. Войны уже не объявляются официально, и больше не следуют установленным правилам». В сухом остатке постсовременный военно-силовой конфликт (гибридная операция) – это синтез неопределенных по принадлежности и составу агрессивных акций, расширяющих (расшивающих) возможности конвенциональной политики и применяемых для деконструкции нежелательных обстоятельств, подчинения либо уничтожения противника.

Иначе говоря, гибридная (сложноорганизованная) война – технология суммарного форсированного/силового воздействия на ситуацию. Это динамичная, подвижная категория, которая имеет несовпадающие формулы реализации, связанные с возможностями и горизонтом планирования субъекта. Подчас она оказывается своеобразным субститутом и амортизатором использования регулярных вооруженных сил и боевых средств в полном объеме, однако данный тезис двусмыслен, а его реализация – асимметрична. Тут многое зависит от достигнутого тем или иным персонажем уровня управления сложностью, наличия когнитивной и финансовой мускулатуры.

«В XXI веке наметилась тенденция к стиранию границ между миром и войной. Войны уже не объявляются официально, и больше не следуют установленным правилам» Валерий Герасимов, начальник Генштаба России.

Индустриальные и постиндустриальные страны различным образом реализуют идею синтетической, «безразмерной» войны. Различие наблюдается и в качестве применяемых средств, включая новейшие боевые технические средства и сетевые технологии (e.g. рои минидронов, модификации «умной пыли», автономные системы, команды специальных операций, распределенное множество координационно-логистических узлов), и в асимметрии возможностей использования невоенных инструментов. Развитие кризисных ситуаций напоминает течение инфекционных заболеваний, поведение перманентно атакуемых популяций или компьютерных токсинов. Соответственно эффективная (гиперэкологическая) стратегия купирования строится не только на успехе военных операций против дисперсных армий, но главным образом на модификации среды или ее полной перезагрузке.

Фиксируются как минимум два регистра гибридных операций: доминантно-боевых и

доминантно-гражданских, т.е. у каждой технологической страты своя навигация доминирования, причем возможности высокоорганизованного субъекта находятся вне компетенции и компетентности другого. Иначе говоря (упрощая по необходимости общую картину), одни персонажи находятся в сложном положении, а другие располагают сложными инструментами, но в обоих случаях это некий ситуационный инвариант.

Гибридная война сдерживает и в конечном счете расплывает вооруженные силы противника, ориентированного на индустриальные, контактные методы военных действий. Хотя неофициальность и правовая неопределенность гибридных акций на первый взгляд расширяет спектр возможностей, но одновременно в ряде аспектов сковывает, подчас существенно, свободу операций, ограничивая, в частности, выбор сценария и применение стандартных кинетических сил и средств. Гибкое же, комплексное применение высоких технологий двойного назначения и гражданских механизмов – экономических, финансовых, информационных, доступных развитому социополитическому организму – позволяет достигать критических целей иными способами, нежели использование конвенциональных войск или даже прямая угроза их применения.

Важный рубеж – изменение соотношения между боевыми действиями и прочими операциями, актуализация паравоенных механизмов подавления противника, гражданских средств господства. Кроме того, ряд функций и задач могут передаваться различным контрагентам на аутсорсинг.

Интеллектуальный императив

Деструктивные новации гибридной войны – следствие транзита мировой ситуации, осознания ее открывающихся особенностей, освоения арсенала новых возможностей в условиях, когда прежние категории и персонажи утрачивают релевантность эпохе. «Мы стараемся определить, как вести войну против того, что не является национальным государством, и как вести войну в странах, с которыми мы не находимся в состоянии войны» (Дональд Рамсфелд).

Сегодня мы наблюдаем трансформацию категории безопасности и коррекцию института войны как процесса массовой индустриальной деструкции. В ситуации транзита от индустриальной метрики к постиндустриальной, расплывчатости категориального аппарата возникает комплекс военно-теоретических проблем, связанных с дефинициями. К примеру, какова адекватная актуальной практике формулировка категории «война»? Где рубеж различения войны и мира? Как определять границы перехода агрессивных действий и силовых конфликтов в военные? Насколько символическая победа совпадает с фактической? Что есть окончание войны, и как квалифицировать наступление мира, etc.

Гибридной войне, ведущейся в условиях гибридного мира при обилии высокотехнологичного индустриального и постиндустриального инструментария двойного назначения, требуется гибридная (синтетическая) система управления – организационный гештальт. Для достижения важных, но неприемлемых и деструктивных для оппонентов целей координируются действия в обширном диапазоне. Природа постсовременного конфликта неформальная, нечеткая, дискретная – своего рода «битва с тенью», полифункциональная земная «невидимая миру брань». Отчасти она напоминает разрастание метастаз, имея конечной целью перерождение среды, становление иного порядка. Универсализацию режима перманентных гибридных операций, военных и паравоенных взаимодействий как новой социально-политической нормы. Периодически повторяющиеся глобально интегрированные действия, в том числе малозаметные и рассредоточенные, включают военные компоненты, используемые зачастую неявным образом при сохранении сложившейся оболочки внешних связей и видимости режима глобальной безопасности.

Гибридная война — это сумма силовых, агрессивных действий, вкупе с разнообразными средствами, расширяющих возможности конвенциональной политики и применяемых для деконструкции нежелательных обстоятельств, подчинения либо деструкции противника.

Эклектичные постсовременные войны софистицированы: с одной стороны они имеют сложную природу, с другой – морально уплощены и люмпенизированы. Затруднения испытывает сторона, зажатая рамками внешних и внутренних рестрикций, ограниченностью творческих инициатив, узостью интеллектуального кругозора, фрагментарностью доступного для анализа контекста. Противник может не заявлять прямо о военных намерениях, интегрируя в многообразных комбинациях не только широкий спектр средств, но и несовпадающие интересы весьма различных персонажей. Иначе говоря, «вместо отдельных врагов, использующих разные методы войны – традиционные, нерегулярные или террористические – мы можем столкнуться с противником, который будет применять все формы и тактики войны одновременно» (Френсис Хоффман). Более того появляется возможность искушать оппонента

непредвиденными действиями, отличными от текущих деклараций и заявленных целей, мультипликацией прокси-персонажей (способных к амбивалентным действиям), созданием ложных горизонтов, маскировкой намечаемых рубежей.

Растет значение нетривиальных сценариев и активов. Стремление к нанесению максимальных боевых потерь и разрушению индустриальных объектов замещается захватом стратегической, информационной, психологической инициативы, управляемой фрустрацией противника, организацией замешательства и конфликта в кругу лиц принимающих решения, подавлением их воли, подведением к принятию критически-неверных решений. Приветствуются и стимулируются активная преадаптация⁵ к изменению условий игры, введение новых неравновесных факторов («боевых демонов Максвелла»), координация межведомственных усилий, управление графиком событий, подвижный властно-правовой

консенсус, использование гражданских, псевдо-гражданских, других неформальных инициатив, наличие и демонстрация моральной силы. Это также использование высоко-технологичных интеллектуальных систем, радиоэлектронных, кибернетических, информационных, психологических средств и техник.

Венчурный поиск способов метаполитической агрессии, т.е. действий, выходящих за рамки конвенциональной политики, ведется в облачном пространстве между наличным правом и его интерпретациями. Все это требует

глубокой перестройки системы управления концентрированной агрессией и ее силовыми аспектами. Одновременно происходит процесс овладения инструментами, технологиями с высокой результативностью, но доступных различным, в том числе невоенным агентствам и негосударственным субъектам, включая гражданских лиц.

Вовлечение невоенных лиц и организаций в процедуры гибридных конфликтов ведет к пересмотру законов войны. Происходит переосмысление законных целей, статуса комбатантов, состава привилегированных страт. К последним начинают относить средства информации, военных корреспондентов, дистанционных операторов, руководителей операций двойного назначения, etc.

Вовлечение невоенных лиц и организаций в процедуры гибридных конфликтов ведет к пересмотру законов войны. Так сегодня существенно меняется статус средств информации в целом и военкоров в частности. Коррекция включает юридическое переоформление круга законных целей, статуса комбатантов, переосмысление состава привилегированных и непривилегированных страт. К последним (unprivileged belligerents, illegal combatants) начинают относить военных корреспондентов, дистанционных операторов, находящихся на территориях других стран, руководителей операций двойного назначения, etc.

В своей основе война – это сверхусилие, мрачное искусство практики, эффективная проекция энергий реконструкции и деконструкции, направленная во внешний мир. Постсовременная война – следствие переизбытка инициатив в условиях острого кризиса и нравственной дезориентации, сужения мировидения, информационной перегрузки, технологического изобилия, падения роли международных организаций («мыльный пузырь

⁵ Эффективная преадаптация – это сумма проактивности (целенаправленной разведки, анализа и действий по освоению будущего), превентивности (устранения надвигающихся угроз) и преэмптивности (опережающего заполнения вскрывшихся ниш).

мирового сообщества»), отражение общего кризиса коммуникации. Калейдоскоп возникающих ситуаций, политических альтернатив меняет типологию управления конфликтами, понуждает развивать методологию анализа и действия, формулировать и применять новые методы социального управления: матричный, рефлексивный, точечный, аттрактивный (рефлекторный мультипликатор), синергийный (неклассический оператор). Системы становятся многофакторными, многоаспектными, сверхсложными, управлять ими эффективнее извне, т.е. косвенным образом, точнее, комплексно сочетая прямые и косвенные меры.

При всём том парадоксальная черта постсовременных войн – возврат к особенностям и характеристикам войн позднефеодальной Европы, сопровождавшихся не столько боевой, сколько интенсивной переговорной, закулисной активностью между сторонами (см. опыт самой знаменитой – Столетней войны), будучи элементом политико-династического и доменно-денежного пасьянса. Война не доводилась до, казалось бы, логического конца – тотального разгрома противника, «зависала» на продолжительные периоды, не завершаясь явной победой или капитуляцией, и порою могла развоплотиться без четкой фиксации итогов. С другой стороны, моральный диссонанс гибридной войны сопоставим с нравственными коллизиями «варварских» и антиколониальных войн, религиозно или идеологически мотивированных конфликтов либо перипетиями концепта тотальной войны в прошлом веке.

Усложнение операций в XXI веке указывает на императив интеллекта, новые горизонты и проблематизацию самой темы. Пространство сложных операций предполагает антропологическую сегрегацию, фрустрацию самореализации, высокий уровень рисков и многообразие следствий. Характер войн оказывается в прямой зависимости от социальной динамики, политической организации, управленческого стандарта, антропологических возможностей, технического совершенства. Но с мутацией института войны изменяется и категория мира. В условиях трансформации миропорядка и глобальной критичности заметно меняется понимание доминирования, инструментов господства, способов проекции силы с целью утвердить себя в сложных обстоятельствах. Господство реализует себя в управлении: общий контроль над ситуацией и культурная оккупация замещают оккупацию территорий.

Усложнение операций в XXI веке указывает на императив интеллекта. Характер войны оказывается в прямой зависимости от уровня социального развития и типа политической организации, антропологических возможностей, технического совершенства. Господство реализует себя в управлении: контроль над ситуацией и культурная оккупация замещают оккупацию территорий.

Военные интерпретации соперничества трагически обостряют чувство реальности. Тотальность постсовременного конфликта, объединив интеллектуальное мастерство с технологическими преимуществами, создает механизмы быстрого реагирования на непредвиденные ситуации. И выходя за рамки собственно боевых операций – формирует новое пространство социополитического действия. Взаимодействие с экстремальными обстоятельствами провоцируют как технологические инициативы, так и социальные интервенции, способствуя переосмыслению экзистенциального статуса, стимулируя лидерство в подрыве/прорыве прежнего исторического и антропологического горизонта. Речь в сущности идет о комплексном перерождении, мутации мрачного обострения (института войны) в хроническую реальность, «истощении мира», т.е. не столько о конце, сколько о закате истории (заметно иной коннотации и содержания данного сюжета).

Идея перманентной войны, набив в прошлом веке оскомину от перманентной революции, реализует сегодня ее изнанку.⁶ На освобождаемых от прежних норм исторических

⁶ В гротескной форме постулат, наверное, звучал бы так: «политика – это экспликация перманентной революции и войны за будущее, но, по возможности, мирными, дипломатическими средствами». Иначе

подмостках разыгрывается вселенский спектакль «ни мира, ни войны», в котором практика опережает теорию, тенденция доминирует над фактом, процессуальность смыкается с феноменологией, а театр гибридных операций обретает глобальные пропорции.

В какой-то мере Украина оказалась частью этого нового пространства операций, его очередным историческим полигоном.

Украинский разлом

Здесь, как и в предыдущем сюжете, необходимо учитывать генетику явления, его основания, в то время как львиная доля внимания уделяется конъюнктурным факторам, т.е. не «почему вообще это произошло», а «почему сейчас».

Я бы выделил следующие долгоиграющие аспекты проблемы. В прошлом веке разрушались имперские организмы — сначала континентальные («гибридные»): Российская, Австро-Венгерская, Османская империи. Затем начали рассыпаться морские империи: британская, французская, испанская, португальская... т.е. развивался процесс, получивший со временем определение «деколонизация», порождавший национальные государства. Для континентальных империй процедура была прописана после первой

мировой войны Парижской мирной конференцией и последующими договорами, породившими плеяду постимперских национальных государств и подмандатных территорий, причем не только в Европе.⁷ А для империй морских, несколько позднее, после второй мировой — регламентами и резолюциями ООН.

Если посмотреть на историю взаимоотношений Украины и России, используя искусство аналогий, то наиболее яркий пример, наверное, — перипетии обретения независимости Ирландией.

Если посмотреть на историю взаимоотношений Украины и России в данном ключе, используя для анамнеза и прогноза искусство аналогий, то наиболее яркий пример, наверное, — кельтская новела, перипетии обретения независимости Ирландией, Шотландский и Уэльский сюжеты, т.е. история органичного субалтерна с ворохом сопутствующих обстоятельств. Или, отчасти, траектория отношений Хорватии и Сербии в релевантном постимперском контексте. Аналогии можно найти не только в Европе и не только в прошлом веке, присмотревшись, скажем, к судьбе испанских территорий в Латинской Америке (не случайно в свое время Семен Петлюра изменил свое имя на Симон именно ради аналогии с Симоном Боливаром). Или даже припомнить еще более ранние коллизии Великобритании с устремленными к

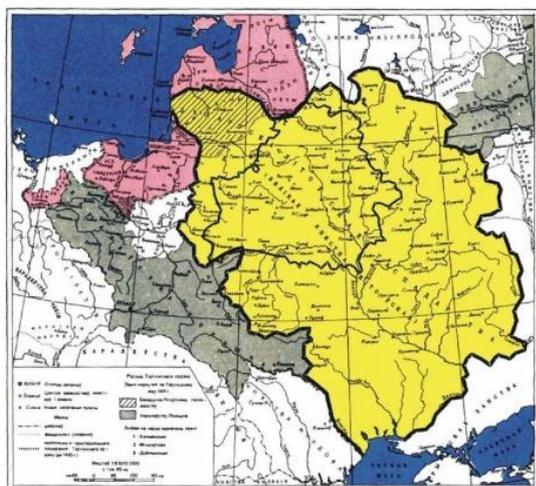

говоря, доминирование и преимущественное развитие одной модели мира есть более или менее цивилизованное угнетение другой. Действительно, состязание в области мировидения — онтологично, политика же антропологична. Терзания германских военных авторитетов о соотношения политики и войны обобщил Вадим Цымбурский: «Клаузевиц превозносит “грандиозную и мощную” политику, которая порождала бы такую же войну. Для Мольтке-старшего политика чаще всего связывает и стесняет стратегию <...> И, наконец, как бы на противоположном от Клаузевица конце шкалы предстает Э. Людендорф с мнением о политике как о продолжении тотальной войны, ее инструменте».

⁷ Россию как страну, не принадлежавшую к Центральным державам (Четверному союзу), эти решения, практически, не затронули, но в силу иных обстоятельств тогда же от нее отпали Польша, Финляндия, Балтийские государства. Примерно в те же годы ограниченный государственный суверенитет обретает Ирландия (статус доминиона, 1921 г.).

независимости США. Разные ситуации, с разными историческими маршрутами, но вызывающие ассоциации, реминисценции, имеющие определенный инвариант и служащие историческим уроком.

Другой конфликтный аспект российско-украинских связей – это культурный дифференциал и проистекающая из него возможность столкновения культур. Цивилизационный разлом в данном случае не столько конфессиональное пограничье, сколько социальное различие. Рубеж был прочерчен, скорее, в соответствии с политической культурой городского самоуправления, а не ареалами конфессий; цивилизационная граница – северо-восточный рубеж распространения городов, управлявшихся в соответствии с магдебургским правом (юго-запад Российской империи до Смоленска, включая его, т.е. практически «по Днепру»). И еще оригинальная полковая культура самоуправления в Гетманщине, вся совокупность традиций военного сообщества Запорожской Сечи, имевших широкое распространение в регионе. В империи же с подавляющим преобладанием сельского населения⁸ существовал дефицит практики самоуправления, в том числе муниципальной власти, формируемой горожанами (т.е. *гражданами, бюргерами, буржуа*).

Следует учитывать относительно меньшее, хотя и форсированное, присутствие крепостничества на украинских землях, его иные исторические сроки, географию. Распространенное до времени преимущественно в центральных областях Российской империи «крепостничество» было по сути стыдливым именованьем рабовладения, т.е. открытой торговлей соотечественниками оптом и в розницу, искажавшей человеческую природу как рабов, так и хозяев. Сыграло свою роль обитание украинской громады – наследников Древнерусского государства (Киевской Руси), Русского королевства (Галицко-Волынского княжества), отчасти Великого княжества Литовского, Русского, Жемойтского, Гетманщины

и Слобожанщины на территориях разных государств, предопределив социальную и культурную диверсифицированность, создав несколько уровней и типов национального домостроительства.

Если украинская социокультурная идентичность в определенной степени это ментальность хуторянина, козака, шляхтича, гражданина-горожанина, коллективно отстаивавших конфессиональную-языковую-национальную самостоятельность (менявшие культурный код растворялись в соседних народах), то ментальность имперского индивида в своей основе – идентичность подданного российского межнационального государства (*господарства*), слуги империи, стремительно расширявшейся и вбиравшей народы (ср. «креолизация») на евразийских просторах.

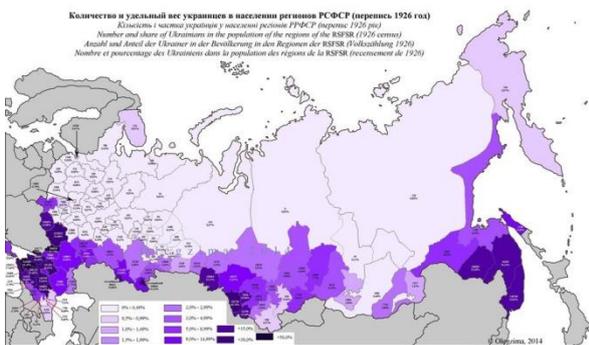
Общей проблемой были индивидуация и элитогенез, подавленные, помимо универсального крепостнического уклада, системным патернализмом; в частности, поэтому опыт домостроительства украинского общества и попыток трансформации государственности – несмотря на очевидные и неочевидные различия – наиболее интересен и ценен именно для России. Кроме того, если Петербург (отчасти новгородская реминисценция) представлялся «окном в Европу», то «дверь» – как, кстати, и мыслилось в предпетровском веке – это Украина, культурный со-учредитель и европейский балансир империи (что было обостренно прочувствовано, но не вполне осознано еще в 1991-ом году).

⁸ Значительная часть этого населения, лишенная элементарных прав, не являлась субъектами с точки зрения закона, будучи объектами имущественных и хозяйственных отношений.

XX век привнес на земли империи центробежную идею строительства политических наций, однако коммунистический эксперимент запустил процесс обновления формулы интеграции – с элементами не только отрицательной, но и положительной дискриминации – стран и народов с Россией. (Апофеозом сюжета была, пожалуй, высказанная Мао идея присоединения к СССР Китая, открывавшая в случае ее реализации радикально иные футуристические и геополитические горизонты, хотя не без определенных исторических реминисценций.) Крах советского коммунистического эксперимента завершил процесс, предопределив трансгрессию и домино индигенизации.

XX век привнес на земли империи центробежную идею строительства политических наций, однако коммунистический эксперимент обновил формулу интеграции с Россией. Крах коммунистического эксперимента завершил процесс, предопределив трансгрессию.

Специфика Украины заключается также в трагичности ее истории.⁹ Страна располагалась на путях переселения народов, перекрестке культур и конфессий, унии и руины, политических проектов и социальных катаклизмов, слишком часто пребывая в горниле интервенций, мятежей, войн, оккупаций. Народ утрачивал суверенность, разделялся границами, переселялся – вольно и невольно – на Кубань, в Сибирь, на Дальний Восток. Поводом для ретроспективных размышлений может послужить направленный на восток многоцветный вектор колонизируемых земель. Среди них Малиновый Клин (Кубань), Желтый Клин (Среднее и Нижнее Поволжье), Серый Клин (юг Западной Сибири и Северный Казахстан), Зеленый Клин (Забайкальский, Приморский, Хабаровский края, Амурская и Сахалинская области). Элита разъезжалась по иным национальным квартирам на Запад и Восток, Юг и Север, нередко теряя или сознательно меняя идентичность. Соборное единство было обретоно на короткий срок в 1919 году с объединением Украинской народной республики и Западно-Украинской, но культурные различия частей ощутимы вплоть до настоящего времени.

Элита разъезжалась по иным национальным квартирам на Запад и Восток, Юг и Север, нередко теряя или сознательно меняя идентичность. Соборное единство было обретоно на короткий срок в 1919 году с объединением Украинской народной республики и Западно-Украинской, но культурные различия частей ощутимы вплоть до настоящего времени.

Трагична история и советского периода, прежде всего катастрофа Голодомора, выкосившая Восточную Украину (как бы ни подсчитывали число жертв – во всех версиях оно чудовищно). Одним из следствий чего было переселение некоторого числа жителей центральной России в эти земли. А затем воспоследовали военные и послевоенные «страсти по Украине». В сумме эти факторы предопределили настойчивое стремление к суверенности, культурной реституции и европейский выбор Украины. Можно, конечно, обсуждать, почему радикальный перелом произошел именно сейчас и развился именно по данной траектории, но, в принципе, долгосрочная тенденция была очевидна... Особенностью же сюжета – чему способствовала нынешняя «отложенная война» – стал сдвиг от этнического национализма к политическому, а также необходимость обсуждать в практическом залоге тему децентрализации/федерализации, языковой политики Украины (присматриваясь к опыту Финляндии, Бельгии, Канады и т.п.), что может со временем иметь серьезные последствия, в том числе не слишком очевидные сегодня, и для России.

Актуальный вопрос украинской ситуации – возможность возобновления горячей фазы военного конфликта. Если сравнивать с прошлым годом, то угроза перерастания в полномасштабную войну снизились. Максимальная вероятность попытки восстановления

⁹ Трагичность исторического сознания отражена в гимне страны, констатирующем (с характерным акцентом «от первого лица») сложность ее судьбы и возлагающем надежды на будущее.

прежнего режима на всей территории (наряду с шансом на сокращенную версию реставрации по образцу «Республики Сало») и массированного ввода российских войск, в том числе в виде миротворческих, была, пожалуй, в конце апреля прошлого года.¹⁰ Иначе говоря, в период транзита власти, т.е. до майских президентских выборов. Перспектива активных боевых действий на территории Украины, конечно, существует и сейчас, однако все более значимым становится другой аспект ситуации – накапливающиеся в ходе боевых действий низкой интенсивности деструктивные следствия и генезис «черных лебедей», вылетающих из этого гнезда (вспомним катастрофу малазийского лайнера). В питательной среде подобных коллизий – зародыши разновекторных событий, сумма которых непредсказуема.

На территории Европы, фактически, образуется «травматическая инклюзия», отчасти напоминающая деструктивные образования на других континентах планеты: неконтролируемые или слабо контролируемые законом и цивилизацией территории, с властью и населением, не слишком склонными к рациональному поведению, но обладающими современным военно-техническим инструментарием. И, в числе прочих особенностей, являющиеся актуальными либо потенциальными «гнездами черных лебедей».¹¹

Произрастание подобных анклавов в теле цивилизации может прочитываться как признак разложения массового общества, призрак его неоархаизации. А в некотором футур-историческом пределе – как часть внутреннего демонтажа мировоззренческих основ Модернити либо как симптом общей варваризации, подрыв правовых регуляций современной цивилизации эклектичным Не-Западом.¹² При этом постсовременная реконструкция может иметь не только ползучие формы, но проявиться в виде острой системной дестабилизации, создавая хаос, которого история еще не знала.

Сумма характерных черт достаточно разных, но типологически схожих инклюзий (наиболее яркий на сегодняшний день пример – Исламское государство): политическое противоборство конфликтующих полевых командиров; инволюция к этно/конфессионально ориентированным городам-государствам и дробящимся социокультурным сообществам (антропо-социальным структурам); перманентное ведение гибридных боевых действий различной интенсивности, при несоблюдении законов войны и неразборчивости в отношении атакуемых целей и применяемых средств, включая средства с непредсказуемым результатом, участие несовершеннолетних в военизированных подразделениях, заложничество; зыбкие, подвижные границы контролируемых территорий; трофейная экономика как основа жизнедеятельности; криминализация, наркотрафик, контрабанда, торговля людьми и оружием, коррупция; беженцы и переселенцы; постмодернистское/фундаменталистское прочтение культуры/конфессии, различного рода рестрикции, системное нарушение прав человека,

¹⁰ Если не считать нереализованный сценарий призыва России Януковичем с трибуны Харьковского съезда.

¹¹ А.И. Неклесса. Сердце тьмы: травматическая инклюзия // Актуальные проблемы экономики и права. – 2015, №2. – С.280-295.

¹² «До конца XX столетия концепция истории уходила корнями в европейскую модель государственной политики, определявшейся националистическими ценностями и символикой. Наступающая эпоха будет во все большей мере характеризоваться азиатской моделью государственной политики, базирующейся на экономических ценностях, которые предполагают в качестве основного принципа использование знаний для получения максимальной выгоды». Шимон Перес. Новый Ближний Восток. – М., 1994. – С.188. См., например, интерпретацию транскультурного dominus Не-Запада посредством единения общим мирным и военным делом в фильме Даниэля Ли «Меч Дракона» (2015), характерном для этой версии мировидения.

психологическая и санитарно-эпидемиологическая дестабилизация, культурная инверсия, цивилизационная деградация, социальная неорархизация; антропологический пылесос, действующий как внутри территорий, аккумулируя в них представителей специфических сообществ извне, так и в реверсном режиме, экспортируя социальный травматизм и аксиологический кризис.¹³

На территории Европы, фактически, образуется «травматическая инклюдзия», напоминающая аналогичные деструктивные образования на других континентах планеты.

Иначе говоря, независимо от характера деклараций, возникает пульсирующая опухоль, которая может превратиться в разъедающую политическое тело язву «сомализации» и которую проблематично даже со временем полностью исцелить.¹⁴ В такие «пузыри земли» притягиваются специфические люди – вырабатывается своеобразный военный алкоголизм, который не проходит с годами...

Пошатнулся правовой миропорядок – конструкция мировых связей, основанная на соблюдении подписанных, утвержденных и подтвержденных международных договоров, признанных этими договорами границ, режим общей и ядерной безопасности.

Что же касается общеевропейской ситуации, то она изменилась кардинально. Пошатнулся правовой миропорядок – конструкция мировых связей, семантика государственной и общественной дипломатии, основанная на соблюдении подписанных, утвержденных и подтвержденных международных договоров, признанных этими договорами границ, режиме общей и ядерной безопасности, ответственном поведении в рамках Большого политического консенсуса. Причем домино процесса лишь начинается, вопрос как далеко он пойдет. На очередном этапе могут обнаружиться сбои в работе международных организаций, в действительности различного рода соглашений, исполнении решений международных органов, т.к. их авторитет и дееспособность скомпрометированы. Россия предъявила миру эскиз миропорядка, основанного на иных принципах взаимоотношений государств и сообществ.

Поиски выхода

Поскольку мы живем в глобальном, но культурно неоднородном мире для разрядки напряжений необходимы переговоры: многосторонние и двусторонние, другие меры политического характера.

События на юго-востоке Украины – международная проблема, минские договоренности лишь сбили военный накал. Рецепт деэскалации включает восстановление режима российско-украинской границы, политическую и экономическую адаптацию Донбасса, терапию правопорядка, демилитаризацию региона и санацию парамилитарных структур,

¹³ Обзор ситуации в «ДНР-ЛНР» см.: Владимир Дергачев, Дмитрий Кириллов. Добро пожаловать в ад // Газета.ру. Адрес в интернете: http://www.gazeta.ru/politics/2015/06/18_a_6846469.shtml (22.06.2015).

¹⁴ «Самое большее, что нас беспокоит именно сейчас – преступления против человечности <...>. Преступления эти имеют конкретные названия. Первое – расстрелы и пытки людей, независимо от того, с какой стороны они захвачены. Второе – работоторговля, особенно украинским женщинами, которые остались в Донецкой и Луганской области. Это одно из самых опасных пока преступлений. И в этом им способствуют всевозможные подручные и наемники из Осетии и других восточных регионов России. Работоторговля дошла до Китая. Кроме того, торговля оружием, взрывчаткой, незаконное попадание через захваченную Россией и российскими войсками украинскую границу. Настоящую границу, международную <...> это ужасное звериное лицо черной дыры под названием Новороссия». Адрес: http://lb.ua/news/2015/06/16/308384_valentin_nalivaychenko_voni.html.

общую декриминализацию, в особенности связанную с военизированной преступностью, психологическую реабилитацию и ресоциализацию, возвращение беженцев, компенсацию кадрового дефицита, решение имущественных проблем, реституцию гражданского управления и хозяйственной жизни. Деэскалация, даже при наличии политической воли, непростой процесс, тем более в условиях гибридной войны, т.е. проведения агрессивной политики диверсионными и отчасти гражданскими средствами. Инициация процесса выявляет массу проблем, в числе вариантов разрешения – использование сил ООН, ОБСЕ, либо иного формата миротворцев, с чем Украина в принципе согласна.

Мир, однако, «взят от земли», а ловушка Крыма сохраняет свойства цугцванга. Изменение стратегического баланса произошло, ряд существенных позиций Москва утратила: не только членство в Большой семерке и т.п., но, к примеру, подорвана многоплановая концепция «русского (руського) мира», перспективной в русле геокультурной стратегии концепт социокультурной гравитации. Взятие «на вооружение» ее весьма неплодотворного извода отразило мышление в категориях геополитики, запустив процесс исторических, цивилизационных связей в реверсном режиме. В результате для России этот поезд ушел; в актуальной же повестке, взыскивая «грехи Версаля», баланс региона сдвинут в сторону ягеллонской идеи («прометеизма»), в геостратегическом ландшафте проступает контур современной версии «Республики Трех Народов»¹⁵ или даже более широкой конфигурации в стиле Балто-Черноморского Междуморья – плана Пилсудского¹⁶, дополненного заморскими партнерами по ГУАМ.

Парадоксальным, на первый взгляд, образом – по крайней мере, с позиций стратегов комбинации – то, против чего кампания вроде бы затевалась, было именно ею ускорено и воплощено. В результате действия России, инициированные опасениями в отношении союза Украины-НАТО и попыткой сдержать сближение Украины с ЕС привели к стремительной модификации европейской геостратегической архитектуры. Сегодня мы наблюдаем контур «Европейского вала»/«Стены» на месте былинных «Змиевых валов», обретение североатлантическим альянсом второго дыхания и упрочение позиций США в Европе, размещение инструментария блока на постсоветском пространстве непосредственно у границ с Россией, возрождение Восточного партнерства, развитие и укрепление связей постсоветских стран с ЕС, многомиллиардное финансирование

¹⁵ «Республика Трёх Народов», т.е. поляков, литвинов (литовцев и белорусов) и русинов/козачества (украинцев того времени) – современное образное название политического проекта XVII века, имевшего целью превращение конфедерации Королевства Польского и Великого княжества Литовского в триединое государство, в результате конституирования Великого княжества Русского на русских землях Королевства Польского. Согласно статьям Гадячского договора (1658 г.) Великое княжество Русское в составе Киевского, Черниговского и Брацлавского воеводств должно было стать третьим участником унии. Однако договор был принят сеймом в урезанном виде, и проект не был реализован. Идея вновь возникла в начале 60-х гг. позапрошлого века (символический update Городельской унии в 1861 г.) накануне восстания 1863 г., что отразилось в композиции герба Народного собрания.

¹⁶ Проект Восточно-Европейского Союза – конфедеративного государства от Чёрного и Адриатического морей до Балтийского, выдвинутый после Первой мировой войны Юзефом Пилсудским. Конфедерация включала бы Польшу, Украину, Белоруссию, Молдавию, Чехословакию, Венгрию, Румынию, Югославию, Литву, Латвию, Эстонию и, возможно, Финляндию. Союз новообразованных государств (Intermarium) мыслился как контрмера по отношению к вероятному доминированию в регионе Германии и России. (Ср. «Я обдумываю идею создания партнерского блока государств от Балтийского до Черного и Адриатического морей» Анджей Дуда 5.08.2015).

европейского вектора Украины, причем в условиях, когда сам Европейский Союз находится в сложной экономической ситуации. Но главное, произошли качественные изменения в ментальности, включая отношение к России. И не только в Украине.

Сегодня мы наблюдаем контур «Европейского вала» («Стены») на месте былинных «Змиевых валов», обретение североатлантическим блоком «второго дыхания» и упрочение позиций США в Европе, возрождение «Восточного партнерства» и развитие связей постсоветских стран с ЕС.

Что же касается понимания украинских и шире – восточноевропейских обстоятельств, необходимы, кроме прочего, их последовательная проблематизация и конструктивно модулируемые (не дирижируемые) обсуждения, в том числе публичные дискуссии (с декриминализацией темы Крыма), раздвигающие смысловые рамки и лишенные идеологического табуирования: национальная ответственность превосходит групповые («партийные») интересы, а нынешние обстоятельства касаются не только судьбы Украины.

Также давно назрела необходимость детоксикации СМИ, особенно телевидения (в современной России – субститут социального смыслового каркаса и национальной идеологии). Это не столько даже вопрос качества представления событий, происходящих в Украине, сколько психологической ситуации в России в контексте углубляющегося кризиса самореализации, перспектив институализации ненависти и «деструктивного идеала». В той политике, которую средства массовой информации сейчас осуществляют, видится определенная угроза национального масштаба, связанная с формированием пространства ненависти и слабой обратимостью массовых психологических деструкций, чреватых ползучей эпидемией действий и общей социальной деконструкцией. Реабилитация населения, купирование «нового невежества», исцеление культурных деформаций и разрывов требует длительного времени. И заметно больших усилий, нежели их производство.

Суммарная оценка «украинской кампании» серьезна: судя по ошибкам, совершенным и совершаемым, ощутим примат оперативно-тактического мышления над стратегическим, отягощенный слабо обоснованными венчурными экзерсисами. Нет должного понимания исторических основ и комплексных следствий событий. Складывается впечатление, что цели формировались в мистифицированном пространстве, актуальное положение прочитывается с помощью композиций, взятых из прошлого, а обретаемый результат толкуется с солидной толикой иллюзий и мифотворчества.

Речь, по сути, идет о развивающемся кризисе политической организации общества и дефектах систем госуправления, упрощение, выхолащивание которых стартовало еще в начале 90-х, когда страх перед вызовами сложного общества с непростой системой координат, инстинктивная тяга к обманчивой эффективности властной вертикали проявились в уничтожении двоевластия (третья, судебная ветвь власти, ни тогда, ни впоследствии в стране так и не сформировалась). В результате были сняты сдерживавшие волюнтаризм механизмы, что очень скоро предопределило каскад негативных событий: войну с Чечней, залоговые аукционы, фальсификацию выборов и т.д.

В чем же уроки украинского сюжета? Ответ на вопрос – актуальная повестка не только украинской или российской ситуации, тут уместно вспомнить о других вызовах и криптограммах сложного мира: подвижной реальности Исламского государства, трагическом исходе людей Юга, европейских опасениях «синдрома Франкенштейна» (полифуркации миграционного, федеративного статусов, стиля жизни и режима безопасности), пертурбациях мировой энергетики, прочих ловушках комплексной дисгармонии. В глобальном обществе при определенных обстоятельствах локальные или региональные кризисы могут приводить к каскадно развивающимся процессам универсального толка, завершаясь радикальными изменениями или, не исключено, разрушением системы.¹⁷ Сегодня событийные траектории сопряжены с критическими обстоятельствами – совершаемые действия способны вызывать цепную реакцию, затрагивающую не только чувствительные элементы, но саму будущность мировой системы.

Процессы, разворачивающиеся в сложном мире, требуют качественного обновления методов анализа и действия. Поколение технологий, настроенных на управление социополитической мобильностью в комплексных обстоятельствах, претендует на достижение позитивных результатов и в ситуациях критической неопределенности. А в перспективе – на продуцирование из возникающих турбулентностей желаемых форм новой организации. Стремясь выжить в эпоху перемен, ригидные структуры тиражируют охранительные механизмы, в то время как высокоадаптивные организмы делают ставку на самоорганизацию.¹⁸

В глобальном обществе при определенных обстоятельствах локальные или региональные кризисы могут приводить к каскадно развивающимся процессам, завершаясь радикальными изменениями всей системы или, не исключено, ее разрушением.

При резком возрастании скорости и серьезном умножении фактов и факторов дезорганизации самоорганизация все успешнее конкурирует с управлением. Реконфигурация, как и обвал, происходит стремительно. Вспомним знаменитый эффект бабочки, взмах крыльев которой где-нибудь в Индонезии может при странном стечении обстоятельств спровоцировать обвал акций на Уолл-стрите. Сбой в системе безопасности, структуре международных связей, надежности заключенных договоров способен привести к банкротству современного порядка, созданию на планете множества гнезд черных лебедей, откуда эти тревожные птицы – предвестники иного мира – начнут вылетать одна за другой.

¹⁷ Имеется в виду представление о предельном состоянии истории как о своего рода «социальном фазовом пространстве».

¹⁸ А.И. Неклесса. Мировой транзит: от критических технологий к сложной практике // Актуальные проблемы экономики и права. – 2015, №1. – С. 93-107.

XXV ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ
8-10 СЕНТЯБРЯ 2015, КРЫНИЦА-ЗДРУЙ (ПОЛЬША)

Специальное мероприятие. Партнер: Centrum Studiów Geopolitycznych
Pijałnia - Sala Plenarna. 9 сентября, 13:10

Тема: Гибридная война. Облики и пространства вооруженных конфликтов в XXI веке /
Special Event: Hybrid war – Facets and Dimensions of Armed Conflicts in the 21st Century.

Определение термина «гибридная война» можно отнести даже к Троянской войне, Современные разновидности данного типа войны применяются в Донбассе. Реестры элементов стратегии и тактики, используемых из arsenалов конвенциональных, партизанских, кибернетических, информационных войн, а также из других arsenалов – обширны. В будущем международные правовые нормы должны содержать четкие определения, которые не позволят агрессору в такой войне избежать ответственности.

- Война в реальных пространствах: традиционная, экономическая, гражданская, партизанская терроризм.
Модератор: **Станислав Козей** (преподаватель - Академия национальной обороны - Польша)
- Война в области познания, эмоций и мотивации, взаимодействия и общения между людьми.
Модератор: **Мариюс Велицка** (заместитель министра - Министерство национальной обороны - Литва)
- Механизмы формирования послевоенного международного порядка. Закон и справедливость и ответственность агрессора.
Модератор: **Грета Моника Тучкуте** (директор - Центр геополитических исследований - Литва)

Спикеры:

- **Николя Байс** (вице-председатель, Комиссия Национальной безопасности и вооруженных сил - Национальное собрание – Франция)
- **Сергио Германи** (директор - Istituto Gino Germani - Италия)
- **Ройбен Джонсон** (корреспондент - The Weekly Standard - США)
- **Андрей Ермолаев** (директор – Институт стратегических исследований - Украина)
- **Дариуш Козеравски** (ректор - Академия национальной обороны - Польша)
- **Яцек Котас** (заместитель председателя - Институт восточноевропейских исследований - Польша)
- **Павел Лисицкий** (главный редактор - Еженедельник Do Rzeczy - Польша)
- **Евген Магда** (исполнительный директор - Центр социальных отношений - Украина)
- **Михал Млинар** (председатель руководящего совета ISSAT - Женевский Центр демократического контроля над Вооружёнными силами - Словакия)
- **Александр Неклесса** (директор - Лаборатория Север-Юг, ИАФР РАН - Россия)
- **Филип Петерсен** (вице-президент по науке - Фонд «Потомак» - США)
- **Микола Сунгуровский** (директор военных программ - Центр экономических и политических исследований им. Разумкова - Украина)

<http://www.forum-ekonomiczne.pl>

АЛЕКСАНДР НЕКЛЕССА. 10 ТЕЗИСОВ О ГИБРИДНОЙ ВОЙНЕ

1. Мир обретает новый статус. Сложный мир реализует новые социоконструкты.

Понятие «гибридная война» в последнее время широко распространилось, даже стало модным, но само явление не столь уж новое. В основе феномена – глобальная трансформация институтов общества «индустриального» при транзите к «постиндустриальному», определяющее качество которого комплексный, сложный, «гибридный» мир.

Наш опыт – социокультурный, экономический, военно-политический связан с прошлыми эпохами. Сложный мир предполагает смену типа рефлексии и обновление прописей познания-действия.

2. Прелюдия сюжета – реализация в XX веке трех исторических проектов: универсальный nation-building, глобальный свободный рынок, делигитимация войн в системе МО.

В XX веке североатлантическая цивилизация попыталась реализовать три исторических проекта, менявших сложившиеся формулы *мироустройства* - универсализация системы национальных государств, *экономики* - формирование глобального свободного рынка, *безопасности* – делигитимация войн в системе международных отношений.

Совокупность всех трех проектов представляла модель нового мира, а ее реализация мыслилась апофеозом и концом истории.

3. Комплексный мир vs. индустриальный. Ядерная препона системы глобальной безопасности.

Государства вели войны по определенным стандартам, предполагавшим автономию гражданской и военной деятельности, кроме того со временем война становится индустриальным феноменом.

Рифом на пути реализации режима глобальной безопасности – но вместе с тем инновационным стимулом – стал ядерный фактор. Ядерный *stumble block* стимулировал поиск нестандартных решений в сфере безопасности, породив, в частности, феномен Холодной войны.

Новый тип силового противостояния носит комплексный, диверсифицированный характер. Он включает ползучие, локальные, смещенные (гибридные) формы военных, агрессивных действий, использующих прямые и косвенные средства господства, реализовав распределенное множество локальных («африканских») войн и ползучих конфликтов. Развивались технологии деструктивных операций и активных мероприятий при формальном неучастии либо ограниченном участии регулярных вооруженных сил с той или другой стороны.

Кроме того умножались формы и способы диффамационных схем и коррупционных акций, отлаживалось форсированное манипулирование общественным мнением.

4. Усложнение пространства военных операций.

Вектор трансформации характера военных операций после II мировой войны: Корейская война, включавшая необъявленное военное столкновение СССР («воздушная война») и США («полицейская операция»); Вьетнам (неформализованное участие северовьетнамских войск в Южном Вьетнаме, целенаправленный психологический эффект «наступления Тет», продемонстрировавшего, что войны могут выигрываться новым образом, т.е. не только за счет прямого силового превосходства); Ближний Восток (е.g. интифада и другие ситуации); Африка (прокси-войны); Украина (Крым-Донбасс); Сирия (комплексная геометрия противостояния), Исламское государство.

Исламское государство – это распределенное множество территорий, эклектичные союзы *pro et contra*, переселение миллионов, «невидимые бригады», предчувствие ситуации, чреватой культур-шоком: деструкцией объектов культурного наследия и цивилизационной памяти (ср. Пальмира как прообраз аналогичных действий в Европе), т.е. стратегия сокрушение духа – деструкция национальных, культурных, религиозных символов современной цивилизации.

Важный рубеж – изменение соотношения между собственно боевыми действиями и прочими деструктивно-агрессивными операциями, актуализация военно-гражданских средств подавления и господства.

5. Гибридные войны – элемент комплексной трансформации категории безопасности. Войны без формализации статуса.

Гибридная война – элемент общей трансформации категории безопасности, включая перепрочтение, диверсификацию института войны и коррекцию военных действий эпохи индустриализма как процесса массивной технологической деструкции. Комплексная природа гибридной войны: неформальная, синтетическая, ползучая, распределенная, дискретная, диффузная.

Существует ряд дефиниций феномена, разные авторитеты определяют новый способ проведения военных акций по-своему. Вот мнение Валерия Герасимова, начальника Генштаба России: «В XXI веке наметилась тенденция к стиранию границ между миром и войной. Войны уже не объявляются официально, и больше не следуют установленным правилам».

В сухом остатке гибридная война – это сумма неопределенных по принадлежности и составу силовых, форсированных, агрессивных действий в широком диапазоне, вкупе с разнообразными инструментами, расширяющих возможности конвенциональной политики и применяемых с целью деконструкции нежелательных обстоятельств, подчинения либо деструкции противника.

Для достижения важных, но неприемлемых для оппонентов целей используется координация прямых и косвенных мер, включая военные, однако используемые преимущественно косвенным образом при сохранении сложившейся оболочки внешних связей и режима глобальной безопасности.

Кроме того, ряд функций и задач могут передаваться различным и многочисленным контрагентам на аутсорсинг.

6. Аналогии: позднефеодалные войны (e.g. Столетняя война), «варварские» (колониальные/постколониальные), идеологически-мотивированные («тотальные»).

Еще одна черта постсовременных/гибридных войн – возврат к особенностям и характеристикам войн в позднефеодалной Европе, сопровождавшихся интенсивной дипломатической, переговорной, закулисной активностью между сторонами. Война не доводится до, казалось бы, логического конца, «зависает» на продолжительные периоды, не завершается явной победой, капитуляцией и порой способна развоплотиться без четкой фиксации итогов.

Тотальный же характер и моральная уязвимость силовых акций, выходящих за рамки собственно боевых, проявлялись в ходе религиозно или идеологически мотивированных вооруженных конфликтов.

7. Два типа гибридных операций: доминантно-боевые и доминантно-гражданские.

Гибридная война – амортизатор использования собственных средств и регулярных вооруженных сил в полном объеме возможностей. Но этот тезис двусмыслен, реализация – асимметрична: многое зависит от достигнутого государством уровня сложности, финансовой и когнитивной мускулатуры.

Иначе говоря, у каждой страты своя формула и навигация гибридной войны: ценности и возможности более высокого регистра находятся вне компетенции более низкого. Собственно говоря, мы имеем две формулы гибридной войны. Индустриальные и постиндустриальные (комплексные) страны различным образом реализуют идею гибридной/синтетической войны. Различие наблюдается в качестве используемых средств, включая новые военные технологии (e.g. рой дронов), и в асимметрии использования военных/гражданских инструментов и методов.

➤ Гибридная война распыляет и сдерживает силы противника, зажатого низким уровнем экономического и технологического развития, узостью интеллектуального кругозора, рамками доступного контекста, внешних и внутренних рестрикций, затрудняет свободу действия, снижая эффект от применения собственно военных сил и средств.

➤ Наличие же сложноорганизованных конвенциональных средств – экономических, финансовых, информационных, доступных развитому организму, позволяет достигать критические цели иными способами, нежели традиционные формы использования войск или даже прямая угроза их применения.

8. Новый статус гражданских лиц и невоенных организаций.

Массированное участие гражданских лиц и невоенных организаций в новом типе военных действий создает сложные ситуации. Серьезно изменился статус средств информации, в целом, и военных корреспондентов, в частности. Коррекции включают определение статуса и круга участников-комбатантов, новое деление комбатантов на привилегированных и непривилегированных. К последним начинают относить военных корреспондентов, дистанционных операторов, расположенных на территориях других стран, руководителей операций двойного назначения, etc.

9. Пропорция интеллекта.

Усложнение пространства военных операций, координация разнообразных сил и средств, многообразие нетрадиционных инструментов – все это указывает на императив интеллекта при проведении комплексных силовых акций в новом веке.

Растет значение нетривиальных активов, заметно стремление к координации разнородных сил, быстрой мобилизации средств, адаптации к меняющимся условиям, управлению графиком событий, подвижному властно-правовому консенсусу, наличию и демонстрации моральной силы.

Это также использование интеллектуальных и высокотехнологичных радиоэлектронных, кибернетических, информационно-психологических систем, перманентный венчурный поиск эффективных способов реализации (мета)политической агрессии (т.е. выходящей за рамки конвенциональной политики).

Постсовременные конфликты имеют комплексную природу: противник может не объявлять прямо о военных интенциях, интегрируя в многообразных комбинациях не только широкий спектр средств, но и достаточно разнородные цели различных субъектов прямого и косвенного действия.

Господство реализует себя в возможностях управления: общий контроль над ситуацией и культурная оккупация замещают оккупацию территорий.

10. Новая методология анализа и управления.

По мере усложнения ситуаций меняется методология управления конфликтом, формулируются инновационные методы действия: матричный, рефлексивный, точечный, аттрактивный (рефлекторный мультипликатор), синергичный (неклассический оператор).

Системы становятся многофакторными, многоаспектными, сверхсложными, управлять ими эффективнее извне, т.е. косвенным образом, точнее, комплексно сочетая прямые и косвенные меры (e.g. успешность первой иракской кампании была в определенной степени обеспечена организацией ее сценария с учетом ментальности лидера противоположной стороны).

PERSONALIA

Александр Неклесса (Alexander Neklessa). Председатель Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации, член бюро Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме Российской Академии наук (РАН). Заведующий Лабораторией геоэкономических исследований (Лаборатория «Север-Юг») ИАФР РАН (Отделение глобальных проблем и международных отношений РАН).

Действительный член Русского исторического общества, Философско-экономического ученого собрания МГУ им. М.В. Ломоносова, а также российских отделений Международной лиги стратегического управления, оценки и учета (ILSMAA), Всемирной федерации исследований будущего (WFSF), член Международного редакционного совета (от России) журнала «Philosophical alternatives» («Философские альтернативы») Болгарской академии наук, Экспертного совета журнала «Экономические стратегии», редколлегии журнала «Актуальные проблемы экономики и права».

Со-руководитель семинара «Цивилизационные альтернативы мирового развития» (Научный Совет «История мировой культуры» при Президиуме РАН, Центр цивилизационных и региональных исследований ИАФР РАН, Лаборатория «Север – Юг»). Член Совета Школы эффективных коммуникаций «Репное».

Ранее возглавлял Синергетическую лабораторию НПО «СИНЛА» (АЦМИ), работал главным специалистом МВЭС РФ, управляющим Службы стратегического анализа МАПО «МИГ», экспертом-консультантом Директората стратегического планирования ВПК МАПО, научным руководителем Департамента стратегического развития ОАО «ГАО ВВЦ» и членом Комитета по стратегическому развитию при Совете директоров ОАО «ГАО ВВЦ», заместителем генерального директора Института экономических стратегий при Отделении общественных наук РАН, являлся членом аналитической группы Совета Обороны РФ.

Руководил Московским интеллектуальным клубом «Красная площадь», теоретическим семинаром «Глобальное сообщество» (Научный Совет «История мировой культуры» при Президиуме РАН), междисциплинарным семинаром «ΣΥΝΕΡΓΙΑ» (Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования при ООН РАН).

Вел авторскую аналитическую программу «Будущее»/FINAM FM (диплом Международной академии исследования будущего, 2009; лауреат Всероссийской премии в области общественно-политической проблематики «Власть №4»/номинация «Лучший текст о будущем», 2011).

Автор приблизительно 700 публикаций по вопросам международных отношений, политологии, экономики, истории. Научный руководитель/автор проектов СИНЛА/Глобальная трансформация (1984-1989), КАСКАД (1987), ЭКОЛАР (1988), ГЕОКОН (1991-1997), ГЛОБАЛЬНОЕ СООБЩЕСТВО (1997-2003), КАМЕЛОТ/СОФИЯ (2003-2012), КП (2005-2006), СИНЕРГИЯ (2007-2010), ВВЦ-2/Парк Россия (2009-2010), ФЕНИКС-К (2010), БОЛЬШАЯ ВОЛХОНКА (2011), РУССКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ (2010-2012), ЛИК/Пайдейя (2010-2014), ГИБРИДНЫЕ ВОЙНЫ (2015), ИНТЕЛРОС (2003-2015).

Основные направления исследований: международные системы управления и тенденции глобального развития (геоэкономика-геокультура-геоантропология); методология управления в ситуациях неопределенности; философия истории.

<http://www.intelros.ru>

neklessa@intelros.ru

И 949. Комиссия по социальным и культурным проблемам глобализации, Научный совет «История мировой культуры» при Президиуме РАН. «СИНЛА» (ИНТЕЛРОС) №3, 2015. Научное издание. Подписано в печать 14.09.2015. Усл. печ. л. 3,0. Уч.-изд. л. 2,25. Тираж 200 экз.